

Выехав с фермы, Ди два часа скакал на северо-запад, пока не увидел зловеще возвышавшуюся над холмом пепельно-серую цитадель, замок местного лорда

— обителище того самого графа Магнуса Ли.

Даже ослепительный полуденный свет тускнел здесь, и сама земля вокруг замка, казалось, источает тошнотворные миазмы.

И трава вроде бы, насколько хватало глаз, была зелена, и ветви деревьев ломились от сочных плодов, но ни одна птица не щебетала в округе.

Как и следовало ожидать, в ясный полдень замок вампира не подавал признаков жизни.

Стены здания, построенного «под средневековье», испещряло множество бойниц.

Широкие каменные лестницы соединяли подземелья, башенки и дворики, но часовые-андроиды не охраняли переходы.

Замок выглядел пустым.

Однако Ди уже чувствовал ночную, кровавую природу крепости, ощущал на себе внимание сотен электронных глаз и прицелов грозного оружия, поджидающего очередную жертву.

Спутник слежения на геостационарной орбите в 22 240 милях над замком, равно как и бесчисленные охранные камеры, замаскированные под фрукты или пауков, посылали центральному компьютеру изображение столь подробное, что наблюдающий мог бы сосчитать поры на носу незваного гостя.

Несомненно, фотонные пушки, укрытые в бойницах, уже сняты с предохранителей и дула их неотрывно глядят на объект.

Поскольку аристократы обречены вести ночную жизнь, электронная защита в дневные часы для них — абсолютная необходимость.

Не важно, какой мистической мощью обладают вампиры ночью:

-при свете дня это жалкие, хрупкие создания, которых легко уничтожить одним ударом заостренного колышка.

Именно по этой причине вампиры, используя знание психологии и биологии, все шесть или семь тысячелетий своего правления пытались укоренить в человеческом сознании страх.

Результаты данной тактики очевидны:

-даже по прошествии веков после полного краха вампирской цивилизации, когда мало кому из людей доводилось видеть вампира хотя бы мельком, аристократ смог спокойно поселиться среди своих врагов и, подобно феодальному лорду, единолично и полновластно править районом.

Перед отъездом Ди Дорис рассказала охотнику, что в прошлом крестьяне Рансильвы несколько раз брались за мечи и копья, предпринимая попытки изгнать лорда с их земель.

Однако, как только они вступали на территорию замка, в небе возникали черные тучи, грозно сверкали молнии, раскалывались под ногами камни, так что неудивительно, что смельчаки отступали, не добравшись даже до рва.

Как-то раз, не пожелав так легко сдаться, группа селян подала жалобу напрямую в Столицу и добилась разрешения проведения бомбардировки силами столь любимого правительством Антигравитационного авиакорпуса.

Впрочем, власти, страшась истощения запасов энергии и взрывчатых веществ, позволили нанести по замку только один удар.

Защитное поле цитадели без труда отразило атаку, а на следующий день, когда нашли заводил, разорванных в клочья с поистине нечеловеческой свирепостью, пламя сопротивления в земляках погибших совершенно угасло.

Жилище феодала, которому вскоре придется познакомиться с клинком уже приблизившегося к замку Ди, представляло собой вид демонической цитадели, из тех, что до сих пор держали мир в страхе перед уходящими в легенду вампирами.

Возможно, поэтому лицо Ди и казалось таким осунувшимся.

Нет, как охотник на вампиров он прекрасно представлял систему укреплений замка:

в доказательство молодой человек без малейших колебаний направил лошадь к подъемному мосту.

Но какие шансы на победу в поединке с лордом, засевшим за железными стенами, напичканными мощнейшей электроникой, у одинокого юноши с узким клинком?

Раскаленный белый луч в любой момент мог пронзить грудь охотника, но пока лишь прохладный ветерок нежно поглаживал черные локоны гостя, который вскоре оказался на краю рва шириной около двадцати футов, наполненного темно-синей водой.

Взгляд обдумывающего следующий шаг Ди медленно обшаривал стены.

Но вот пальцы охотника коснулись медальона, и мост, до сего момента загораживавший вход в замок, начал, тяжело скрежеща, опускаться и с грохотом пал к ногам юноши.

— Весьма рады визиту,

— раздался из ниоткуда металлический голос.

Речь синтезировал компьютер:

последнее слово в искусстве моделирования личности.

— Пожалуйста, проезжайте на территорию замка.

Указания будут переданы в мозг лошади милорда.

Великодушно извините за то, что никто вас не встречает.

Ди молча пришпорил коня.

За мостом оказался просторный двор.

Позади загрохотал поднимающийся мост, но Ди, не оглядываясь, двинулся по мощеной дорожке прямо к замку.

Ровные ряды деревьев, мраморные статуи, поблескивающие на солнце, лестницы и галереи, ведущие неведомо куда,

— все поддерживалось в идеальном порядке

— конечно, машинами.

Неизвестно, да и не важно, сколько веков назад были высажены растения и высечены скульптуры,

— все выглядело новехоньким, расцветшим или отполированным только вчера.

И никаких признаков жизни.

Лишь механические глаза метательных орудий следили сейчас за Ди.

Затем лошадь остановилась перед воротами, и Ди быстро соскользнул на землю.

Толстые, все в железных заклепках створки были уже распахнуты настежь.

— Входите, пожалуйста,

— пророкотал из темного коридора все тот же синтезированный голос.

Внутреннее пространство замка заполнял тяжелый сумрак.

Нет, свет приглушали не оконные стекла

— эффект достигался при помощи искусственного освещения.

В сущности, окна замка вампира, непроницаемые для солнечных лучей, являлись всего лишь элементом декора.

Шагая по коридорам под аккомпанемент механического голоса, Ди заметил, что все до единого окна размещены в стенных нишах.

Чтобы добраться до них, требовалось подняться на две-три ступени по специальным подмосткам, то есть подойти к окну запросто было невозможно.

Так строили крепости в Германии в Средние века.

У цивилизации вампиров вообще преобладала любовь к средневековому стилю.

Даже в сверхпродвинутой, наводненной техникой Столице дизайн многих зданий подражал средневековой Европе.

Возможно, ДНК знати взывала к возвращению в живущий в их генетической памяти золотой век, когда торжествовали суеверия, легенды и мифы о всяческих таинственных тварях.

Не этим ли объясняется воссоздание супернаукой вампиров столь многих отвратительных монстров и духов?

Голос привел Ди к огромной роскошной двери.

В ее нижней части было проделано отверстие, достаточно большое, чтобы кошка могла входить и выходить, когда ей вздумается.

Дверь бесшумно отворилась, и Ди шагнул в мир еще более глубоких теней.

Усталость охотника как ветром сдуло.

Нервы, мускулы, ток крови

— все говорило Ди, что знакомое ему время вдруг изменилось.

Ощувив густой аромат, заструившийся по комнате

— или, скорее, по залу,

— охотник понял, в чем дело.

«Благовонная временная ловушка. Я слышал о таких штуках».

Затем Ди заметил в дальнем конце обширного помещения пару нечетко прорисованных силуэтов, и его подозрения переросли в уверенность.

Хозяев дворца окружала мертвенно-бледная аура, от вида которой даже несравненные черты Ди напряженно застыли.

Рядом со стройной фигуркой, несомненно женской, возвышался некто весьма величественный, облаченный в черное.

— Мы ждали тебя.

Ты первый человек, которому удалось добраться сюда в целости и сохранности.

— В уголках пунцовых губ, торжественно произнесших эти слова, мелькнули клыки.

— Ты наш гость и заслуживаешь того, чтобы мы тебе представились.

Я лорд этого замка и управляющий Десятым сектором Фронттира граф Магнус Ли.

Благовонная временная ловушка не напрасно считается сильнейшим химическим составом,

порожденным физиологическими потребностями вампиров.

По большей части информация и слухи, распространяемые людьми о физиологии своих врагов, многочисленные истории, пересказываемые с незапамятных времен, в основе часто правдивы.

Диковинные байки о превращении в летучих мышей или туман, просачивающийся в любые щели, свидетельствуют о том, что есть вампиры, способные на подобные трансформации, но есть такие, которым это недоступно.

Как и в людском обществе, где каждый человек обладает индивидуальными талантами, среди вампиров кто-то запросто контролирует погоду, а кто-то повелевает низшими животными.

Однако многие аспекты фантастической физиологии вампиров так и остались окутаны покровом тайны.

Например, почему они спят днем, а бодрствуют ночью, по-прежнему неясно.

Даже окутанное непроглядным мраком потайной комнаты, в которую не проникает ни единый луч Света, тело вампира неизбежно окостенеет с наступлением невидимого рассвета, и лишь его сердце продолжает неслышно биться в недвижимой груди.

Несмотря на тысячелетние старания объяснить этот факт, несмотря на привлечение всех возможных областей науки: экологии, биологии, церебральной физиологии, психологии и даже парапсихологии!

— истинную причину спячки проклятых познать не удалось.

Образно говоря, погруженным во тьму было отказано даже в луче надежды.

Итак, порожденная упорными исследованиями вампиров, благовоющая временная ловушка стала одной из мер преодоления их ограниченных возможностей.

Где бы и когда бы ни появлялся этот запах, наступала ночь.

Или, скорее, казалось, что ночь уже пришла.

Другими словами, химический состав благовоения кардинально менял обычные темпоральные категории, словно гипнотизируя само время.

Пускай разгоралась заря, пускай сиял полдень

— на лунной траве распускалось белоснежное великолепие ночных цветов, люди крепко засыпали, а глаза вампиров обретали пронзительный блеск.

Поскольку отыскать и правильно смешать компоненты было невероятно трудно, получение состава считалось делом огромной сложности, тем не менее во всех уголках Фронттира судачили об охотниках, при свете дня проложивших себе путь к местам отдохновения вампиров

— и жестоко уничтоженных аристократами, у которых случайно оказалось немного благовония.

И вот, окруженный ложной ночью, Ди стоял перед темным лордом.

— Ты, жалкий дурак, явился сюда, ожидая застать нас спящими?

Ты ухитрился остановить мою дочь, и я решил, что ты будешь покрепче моих обычных противников-букашек, вот и устроил нашу встречу.

Но когда ты, гуляючи, вошел в крошечный ад, даже не подозревая о грозящей тебе опасности, я понял, что переоценил тебя.

— Нет,

— раздался голос, который Ди уже слышал прежде.

Рядом с графом стояла его дочь Лармика.

— Этот человек не являет ни малейшего страха.

Он раздражающе дерзок и нагло бесстыден.

Судя по мастерству, что он продемонстрировал вчера вечером, серьезно ранив Гару, он является не кем иным, как дампиром.

— Человек или дампир, он остается предателем.

Ублюдочным отпрыском одного из наших и простолюдина.

Скажи, бастард, ты человек или вампир?

На презрительный вопрос Ди дал серьезный ответ:

— Я охотник на вампиров.

Я пришел сюда, потому что стены открылись для меня.

А ты нечисть, напавшая на девушку с фермы?

Если да, то я уничтожу тебя, здесь и сейчас.

На несколько секунд граф онемел под пронзительным взглядом охотника, но тут же пришел в себя и захохотал:

— Уничтожишь меня?

Ты забываешься, щенок!

Знай свое место!

Разве ты не понял, что я позволил тебе зайти так далеко лишь потому, что моя дочь сказала, что стыдно убивать подобного нам и мы должны убедить тебя остаться в замке с целью превратить в полноценного вампира?

Не знаю, кто из твоих родителей принадлежал к нашему роду, но, судя по речи и манерам их сына, это был фигляр, даже не подозревающий о собственном низком статусе.

Я зря трачу свое время.

Дампир, позор нашей расы, приготовься к встрече со своим творцом.

— Выкрикнув эти слова, граф занес руку для удара, но голос Лармики остановил его:

— Подожди, отец.

Пожалуйста, разреши мне поговорить с ним.

Колыхнулся шлейф темно-синего платья, так не похожего на то, что было на вампирше прошлой ночью;

Лармика встала между графом и Ди.

— Ты отпрыск знатного рода, в твоих жилах течет наша кровь.

Несмотря на сказанное отцом, никакому сыну низшего вампира недоступны такие умения.

Когда я коснулась иглы, пущенной тобой, мне показалось, что моя кровь вот-вот застынет.

Ди молчал.

— Что скажешь?

Может, извинишься перед отцом за свою хвастливую речь и присоединишься к нам здесь, в замке?

Зачем тебе преследовать нас?

Какая радость в том, чтобы быть охотником и бродить в лохмотьях по диким просторам?

И эти жалкие человеческие девчонки, которых ты защищаешь,

— как обращаются с тобой те, кто должен быть благодарен тебе?

Привечают ли они тебя как равного?

Голос прекрасной молодой женщины беспрепятственно плыл в непостижимо глубокой полуночи зала.

С прошлой ночи надменное, горделивое, властное выражение ее лица не изменилось, только вот заметил ли Ди слабую тень желанья, легшую на точеные черты?

Дампир — дитя, рожденное от союза вампира и человека.

Нет существа более одинокого и ненавидимого.

Обычно дампир мало чем отличается от людей и относительно свободно чувствуют себя при свете дня.

Однако стоит им разозлиться, свободу обретает нечестивая вампирская энергия, убивающая и калечащая направо и налево.

Но самое отвратительное — потребности вампиров, унаследованные дампирами от одного из своих родителей.

Благодаря врожденному знанию сильных и слабых сторон вампиров, многие дампирсы становятся охотниками, чтобы жить среди людей.

Да, их способности на две головы выше возможностей простых людей, занимающихся тем же ремеслом, только вот в том, что не касается охоты, общество предают их остракизму и держит на расстоянии.

Ведь иногда природа вампира пробуждается так мощно, что они не в силах подавить ее, и тогда дампирсы проливают кровь тех, кто им доверился.

Как только дампир заканчивает работу, люди, с трудом терпевшие чужака, пока в нем существовала необходимость, тут же изгоняют бастарда, швыряют в него камни, а взгляды их полны ненависти и презрения.

Обладающего одновременно как безжалостной аристократической, так и жестокой плебейской кровью дампир мучит двойственное предназначение; темная сторона клеймит его предателем, светлая обзывает дьяволом.

Поистине дампирсы подобны «Летучему Голландцу», обреченному вечно бороздить просторы семи морей, ведя самое незавидное существование.

И все же Лармика настойчиво уговаривала Ди присоединиться к ним.

Она продолжила:

— У тебя наверняка нет ни единого приятного воспоминания из жизни охотника.

Эти деревенские букашки так назойливы.

Когда-нибудь они, без сомнения, пошлют наемного убийцу вроде тебя, и если, когда это произойдет, на нашей с отцом стороне окажется такой мужественный страж, как ты, мы будем чувствовать себя в большей безопасности.

Ну, что скажешь?

Если согласишься, мы действительно сделаем тебя одним из нас.

Графа раздирал гнев при виде того, что его собственная дочь не отрывает от Ди подернутых

поволокой болезненно-похотливых глаз.

Однако, прежде чем ярость его вырвалась на волю, раздался негромкий спокойный голос:

— Что ты собираешься делать с девушкой?

Лармика мелодично рассмеялась:

— А сюда ты носа не суй!

Женщина вскоре станет принадлежать отцу, душой и телом.

— И продолжила, сверля отца весьма ироничным взглядом:

— Кажется, отец вознамерился сделать ее одной из своих наложниц, но я этого не позволю.

Я осушу ее до последней капли крови, и пусть потом черви жрут ее.

Внезапно девушка замолчала.

Глаза графа полыхнули пурпуром.

Сверхъестественно заостренные чувства зловещих созданий ночи, отца и дочери, уловили, что банальный противник, уже попавшийся, как мышь в мышеловку, стремительно меняется, превращаясь в такого же, как они!

— Ты все еще не понимаешь,

— упрекнула Ди Лармика.

— Что дают тебе обязательства перед человеческими букашками?

Эти рабы прилагают бесчисленные усилия, чтобы стереть с лица земли все и всех, кроме себя; впрочем, и себя они едва не уничтожили из-за собственной беспечности.

Люди продолжают существовать лишь благодаря милости нашей расы, но стоило нашей силе пойти на убыль, как они тотчас же с радостью взбунтовались!

Их, а не нас, нужно вычеркнуть из списка живущих на этой планете

— да и во всей галактике.

В этот миг графу показалось, что он услышал некую фразу, и брови его сошлись на переносице.

Тихие слова явно пробормотал молодой человек, стоявший напротив, но та же фраза хранилась в пыльных, давно не тревожимых кладовых памяти вампира.

Разум отвергал всякую возможность подобного совпадения.

«Немыслимо,

— подумал граф.

— Эти слова произнес как-то Его Высочество, бог-предтеча нашей расы.

Грязный щенок не может знать ничего подобного».

Тут снова раздался голос Ди:

— Дурак!

Слившийся воедино крик отца и дочери гулким эхом отозвался в просторных покоях.

Переговоры провалились с треском.

Губы графа скривились в холодной, самоуверенной ухмылке.

Сухо щелкнули длинные пальцы, а пару секунд спустя лицо вампира исказилось от ужаса, ибо он понял, что бесчисленные электронные пушки, установленные в зале, не сработали.

Медальон на груди Ди испускал голубой свет.

— Не знаю, что там у тебя в рукаве, но оружие аристократов меня не страшит.

Ди без лишних слов оттолкнулся от земли.

Он вознесся в воздух быстрее молнии, от которой нет спасения, выхватывая на лету меч.

Смертоносная сталь серебряной стрелой полетела в грудь графа.

Глухой хлопок...

— Что?

В первый раз на мужественном, обычно бесстрастном лице Ди возникло удивление.

Его меч замер, зажатый между ладоней графа.

Руки вампира сошлись примерно в восьми дюймах от заостренного конца клинка.

Более того, Ди первоначально находился в гораздо лучшей позиции и ожидал от своего оружия явно большего, но, хотя он полностью вложил в удар, меч-«бастард» не сдвинулся ни на йоту, будто замороженный.

Граф оскалился, обнажив клыки, и захохотал:

— Ну что, предатель?

Вот ловкость, достойная истинного аристократа, не то что твой вульгарный мечишко!

Когда доберешься до ада, расскажи там всем, как ты удивился!

— Зловещая фигура в черном сделала незаметное резкое движение.

Возможно, граф воспользовался каким-то секретным трюком или дело тут в правильном приложении силы, но, как бы то ни было, Ди оказался не в состоянии разжать пальцы и выпустить рукоять меча.

Вместе с клинком его отбросило в центр зала.

Однако...

У графа неожиданно перехватило дыхание.

Он не услышал хруста ломающихся костей; юнец перекувырнулся в воздухе, точно кошка, и аккуратно приземлился на пол.

Точнее, готов был приземлиться, поскольку пола у него под ногами не оказалось, и Ди, над головой которого трепетали подоы взметнувшегося плаща, провалился в угольно-черную пропасть, внезапно разверзшуюся под ним.

Лишь когда заскрипела, становясь на место, крышка потайного люка, граф оглянулся.

Из мрака за его спиной возникла Лармика.

— Примитивная ловушка, но, к счастью, мы все-таки установили ее, да, отец?

Когда твоё хваленое атомное оружие оказалось бесполезным, яма с кольями избавила нас от надоеды.

Она чарующе рассмеялась, но граф остался мрачен.

Устроить ловушку он согласился весьма неохотно, лишь после настойчивых уговоров Лармики.

«Она не могла предвидеть сегодняшние события,

— подумал вампир.

— Но эта девушка, пусть она и моя дочь, иногда кажется совершенно непостижимым существом».

Встряхнувшись и скроив кислую мину, он сказал:

— В ту секунду, когда я отшвырнул его, ты дернула шнур люка

— кто, кроме моей дочери, способен на такое?

Но к лучшему ли это?

— Что

— к лучшему?

— Вчера ночью, когда ты вернулась с фермы и рассказала о юнце, от которого мы только что избавились, твой тон и то, как ты объяснялась...

Даже я, твой отец, не припомню, когда ты так негодовала, но и возмущение твоё было необычным, каким-то лихорадочным.

Уж не влюбилась ли ты в прохвоста?

Губы Лармики, не ожидавшей от отца таких слов, сложились в не поддающуюся описанию улыбку; больше того

— она облизнулась!

— И ты полагаешь, я могла позволить любимому мужчине свалиться туда?

Тебе, как создателю, прекрасно известно, что за ад у нас здесь под землей.

Дампир он или нет, никому не выйти из этой кошмарной ямы живым.

Но...

— Но что?

И снова Лармика жутковато улыбнулась, так что даже ее отец, граф Ли, вздрогнул.

— Если он выберется оттуда при помощи одного лишь меча и собственных рук и ног, я отдамся ему телом и душой.

Клянусь вечной жизнью и десятью тысячами кровавых лет истории аристократов, я люблю его

— я люблю Ди, охотника на вампиров.

Теперь наступил черед графа горько улыбнуться:

— Это ад для тех, кого ты презираешь, и еще худший ад для тех, кого желаешь.

Хотя не думаю, что кто-нибудь в нашем мире может предстать перед тремя сестрами и выжить, чтобы рассказать после о встрече.

— Конечно же нет, отец.

— Однако,

— продолжил граф,

— если он спасется и ваши пути вновь пересекутся, что ты станешь делать, если он отвергнет твои притязания?

Лармика ответила сразу, не раздумывая.

Дико блеснувшие радостью глаза затуманили горячие слезы, алые губы разошлись, острый язычок быстро, словно сам по себе, скользнул по ним.

— Тогда я нанесу смертельный удар

— и не дрогну, и не промахнусь.

Я вырву его сердце и отрублю голову.

И тогда он действительно будет мой.

А я — его.

Я пригублю сладкую кровь, которая польется из его ран, поцелую побледневшие спекшиеся губы, потом вспорю собственную грудь, и пусть жаркая кровь аристократки польется в зияющую дыру его горла.

И Лармика ушла, унеся свое невероятно ужасное, но такое пылкое признание в любви, оставив все еще гневающегося графа с самыми мрачными предчувствиями.

Рука древнего вампира прижалась к левой стороне груди.

Ткань плаща промокла насквозь.

От крови.

Хотя он вроде бы мастерски остановил клинок Ди, лезвие меча больше чем на дюйм погрузилось в бессмертную плоть.

Пускай это всего-навсего какой-то ловкий боевой прием, но, в отличие от любой раны, полученной им в прошлых битвах, этот разрез еще не затянулся, и теплая кровь, источник жизни, продолжала течь.

«Вот человек, которого нужно бояться. У него даже может быть...»

Усилием воли граф выбросил из головы все мысли о том, что может случиться, если ему еще раз доведется сойтись с юношей в смертельном поединке.

Если вспомнить, что поджидает щенка в подземном мире...

У Ди нет и одного шанса на миллион выбраться на поверхность.

Граф уже повернулся, чтобы удалиться в свои темные покои, как шепот юнца вновь возник в его мозгу.

Слова, которые граф слышал некогда от августейшей особы.

Грустная фраза, к которой ни один аристократ, почивший или еще живущий, не может остаться равнодушным.

Откуда мальчишке знать ее?

Все мы случайные гости здесь.

<http://tl.rulate.ru/book/51824/1303043>